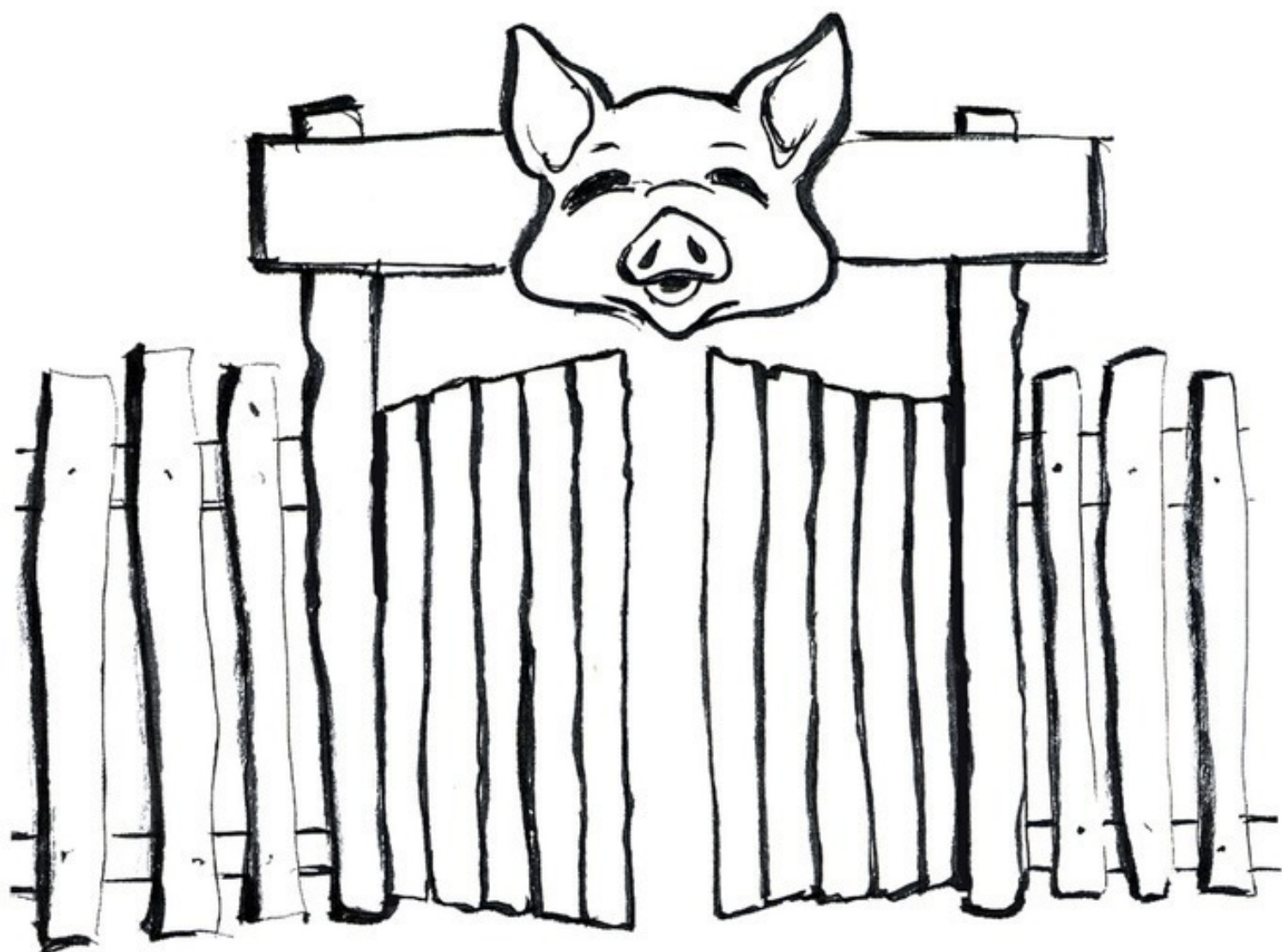

ЕЛИЗАВЕТА ЕЛАГИНА

ЦАРСТВО СВИНЕЙ

Елизавета Елагина

Царство свиней

«Издательские решения»

Елагина Е.

Царство свиней / Е. Елагина — «Издательские решения»,

Молодой юрист, падкий до легкой наживы, возвращается в родной город, чтобы получить дядюшкино наследство, и сталкивается со свиньями, мошенниками, выпивохами и богожорами.

© Елагина Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1, в которой полностью приводится письмо, полученное Захарией от Боло	6
Глава 2, в которой много птиц	11
Глава 3, в которой начинаются настоящие свиньи	16
Глава 4, в которой Захария ищет клад	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Царство свиней

Елизавета Елагина

© Елизавета Елагина, 2016

Иллюстрации Полина Елагина

Редактор Елена Елагина

Редактор Лана Заранкина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1, в которой полностью приводится письмо, полученное Захарией от Боло

«Дорогой Захария!

Полагаю, тебе неинтересно, как идут дела в Осколопье. Так что перехожу сразу к делу: твой сумасшедший дядя Чист наконец скончался. И он оставил после себя неплохое наследство. Его единственная дочка Доза давным-давно в монастыре, и знать печальные новости ей совсем ни к чему. Полагаю, она и так исправно молится за старого грешника.

Захария, если тебе хочется стать обладателем прорвы денег, приезжай домой скорее.

Всегда твой,

Боло»

На рабочем месте Захарии царил такой порядок, что всякий клиент, садившийся в предложенное ему кресло на почтительном расстоянии от стола, просто поражался. Особенно любопытные и эмоциональные клиенты, которым нравилось вставать, ходить и размахивать руками, замечали, что по ту сторону стола Захарии царит какое-то канцелярское болото, но Захария считал, они сами виноваты, что стали совать свой длинный нос куда не следует.

Техника уборки, которую использовал Захария, была довольно незамысловата: перед приходом очередного клиента он точным движением руки смахивал со стола все бумаги и весь хлам, накопившийся там во время разговора с клиентом предыдущим. Таким же образом он поступал с утренней корреспонденцией, если она своим внешним видом не подавала ему надежду, что скрасит чашку чая и какой-нибудь прилегающий к ней пончик.

Не стоит, однако, полагать, что Захария пренебрегал делами своих клиентов, едва только за ними закрывалась дверь. Он прекрасно ориентировался в бумажном болоте, растекавшемся у него за столом. Захарии было даже удобнее работать, скорчившись на полу. Случайно найденный среди бумаг подсохший рогалик приносил ему больше радости, чем свежая ватрушка, любовно завернутая в чистую салфетку.

Захария был из числа тех людей, которые полагают, что встречаются по одежке. Он несколько стыдился своих привычек и находил необходимым приводить свое рабочее место в приличный вид всякий раз, когда к нему кто-то приходил.

В это утро он уже радостно занес руку, чтобы смахнуть со стола пару ненужных писем, как вдруг замер, пораженный видом помятого и засаленного конверта, нагло осквернявшего его чистый рабочий стол своим присутствием. Захарии не нужно было читать обратный адрес, чтобы понять, что перед ним весточка с родины. Такой бумаги он больше нигде, кроме как в Осколопье, не видел. Когда Захария достал письмо из конверта, он чуть не задохнулся от воспоминаний, нахлынувших на него вместе с запахом, спутать который ни с чем невозможно. Подтопленный свиной жир, давно не стиранный зеленый сюртук дяди Чиста, компот из груш, увядшие цветы и немного ладана. Запах Осколопья.

Захария уехал из родного города два года назад. До этого он, как и все, принимал грязевые ванны со свиньями, плевался в прохожих, не ходил на службу, хлестал домашние настойки и презирал все, к чему прикасался. Захария мечтал и одновременно не чаял выбраться. Сейчас он бы и руки не подал тому замызганному пройдохе, которым был всю жизнь. Теперь Захария носил недорогой, но очень приличный серый костюм, порой менял рубашку и принимал в подарок от благодарных клиентов хороший табак. На его ногах красовались красные крокодиловые туфли, а свои еще вовсе не редущие волосы Захария старательно зачесывал назад.

Выбраться из Осколопья Захарии помогло несчастье. У него умерла тетя. Тетя Амелия приходилась родной сестрой матери Захарии, а вовсе не была женой дяди Чиста. У дяди Чиста вообще не было жены, он был закоренелым холостяком. Тетя Амелия любила Захарию, как родного сына, и завещала ему все, что у нее было. Правда, ближе к концу своей жизни тетя Амелия вдруг почувствовала, что Захария сживает ее со свету, и резко передумала. Она решила изменить завещание в пользу своих родных сыновей. Один из них где-то сидел в тюрьме, и Захарии удалось убедить тетю, что деньги ему не нужны. Второй скитался по свету, и она не смогла вспомнить, как его зовут. Захария тоже запомнил, и завещание пришлось оставить без изменений. Так что Захария и тетя Амелия как жили друзьями, так и расстались друзьями.

Похоронив добрую тетю Амелию, Захария направился в бар, любимый всеми жителями Осколопя, – «Пасть пса». Все друзья пошли с ним вместе: и верный Боло, и Марк, и Орсон. Утром Захария понял, что червонцев в сундуке, оставленном тетей, хватит больше, чем на грушевую настойку. Он собрал чемодан и уехал из Осколопя. Навсегда. Захария хотел сделаться адвокатом. Во-первых, потому что он не знал, чем еще могут заниматься люди с чистыми воротниками, во-вторых, потому что ему казалось, что у него для этого есть хорошие задатки.

На свободе фантазия у Захарии заработала. Оказалось, что если не пить, то много денег не нужно, а воротник необязательно стирать каждый день. Захария сделал неплохую карьеру, помогая всяким остолопам, у которых умирали или, наоборот, никак не умирали старые родичи.

Если как следует потрясти, выяснялось, что в карманах у родичей добра куда больше, чем они сами подозревали, и, что приятно, больше, чем подозревали их плутоватые племянники.

Ну, хватит об этом. В целом, Захария был отменным малым с голубыми глазами и красными крокодиловыми туфлями. Денег на жизнь ему хватало, и сыгравший в ящик дядюшка не заставил бы его вернуться в Осколопье, если бы Захария не надумал жениться.

Он не то чтобы отчаянно мечтал о домашнем очаге, горячих пирогах, котлетах и квашеной капусте, но порой ему становилось одиноко. Приятели у Захарии водились, но странным образом они не рассеивали его одиночества, а, скорей, даже еще больше нагнетали его. За стаканчиком рома Захарии нравилось слушать истории про охоту на кабанов, положив ноги на каминную решетку, но после стаканчика рома Захарии хотелось улечься в теплую постель, а не продолжать слушать истории про охоту на кабанов. Засыпать в кресле, положив ноги на каминную решетку, Захарии тоже нравилось, потому что он был еще молод и спина у него не болела, но засыпать ему хотелось под потрескивание дров, а не под истории про охоту на кабанов.

Одним словом, приятели Захарии были занудами, а он, будучи тактичным человеком, не знал, как с занудами принято поступать. Ему казалось, что будь у него жена, она бы всегда могла сказать засидевшемуся рассказчику: «Уж вы простите Захарию, он так устает на работе» или «Уж вы простите Захарию, врачи велели ему ложиться пораньше». Жене Захария сам мог бы рассказывать свои истории про кабанов и проверять, насколько быстро она уснет, чтобы потом не ударить в грязь лицом перед другими слушателями. Так или иначе, Захария приближался к тому возрасту, в котором он видел в браке одни положительные стороны.

Конечно, только дурак поедет за невестой в Осколопье. Женщины там были глупые, грязные и злые. Захария не был дураком. Он был очень внимательным. И он заметил, что пускай женщины в Большом мире несколько умней и несравненно чище, уроженки Осколопя все-таки менее злые. А Захария хорошо разбирался в людях и знал, что ценить в них надо в первую очередь доброе сердце.

Однажды Захария подружился со светской девицей, которая стряпала неплохие пирожки с рисом. Они напомнили Захарии пирожки, которые выпекала его любимая тетя Амелия. Они всегда выходили немного подгоревшими, и начинка вечно высыпалась. Захария почти до слез растрогался, когда девица первый раз поставила на стол блюдо с дымящимися пирожками. Он почувствовал себя как дома.

Однако вскоре Захария понял, что как дома себя можно чувствовать только дома. Стоило ему потянуться за седьмым пирожком, девица стукнула его по руке и без обиняков заявила, что если он будет столько есть, то его ужасно разнесет и она не захочет с ним видеться. Захарию это страшно обидело, и он тут же вспомнил добросердечную тетю Амелию, которая часто говорила, что если он будет так недоедать, то непременно тяжело захворает. Захария заявил девице, что нечего им командовать, если ничего не знаешь про особенности его организма, в частности, про его патологическую склонность к истощению. Девица почему-то возмутилась, они поругались, и Захария ушел.

Надо сказать, ушел он с высоко поднятой головой и не оглядываясь назад с сожалением, потому что он прекрасно знал, каковы будут эти пирожки на следующее утро. Тесто зачерствеет так, что его будет впору прокалывать сапожным шилом, а выковыривать начинку – занятие унылое. Обычно теми пирожками, что еще оставались наутро, Захария ходил кормить свиной вместе с Марком.

Захария попытал свою удачу с еще одной барышней. Она не рисковала оказаться такой же жадной, как светская девица, потому что не умела готовить совершенно, и Захария скорее уж опасался, что она заставит его есть ее стряпню.

Проблема возникла неожиданная: барышня заявила с утра пораньше в рабочий кабинет Захарии и принялась убираться. Ее понятия об уборке являли собой полную противоположность тем, что были у Захарии. Барышня подняла с пола все бумаги и разложила их на столе, отсортировав каким-то образом, не имевшим в глазах Захарии никакой логики. Те бумаги, которые барышня сочла рваными, грязными или даже мятыми, она выбросила.

Захария заявил ей прямо, что из нее никогда бы не вышел адвокат. А рассчитывавшая на благодарность барышня страшно обиделась и заявила, что это из Захарии никогда не выйдет адвокат, учитывая, как он ведет свои дела. Это обвинение Захарии показалось совсем несуразным, ведь из него уже вышел адвокат, и дела его шли прекрасно, пока барышня не прилетела подобно маленькому, но разрушительному торнадо в его уютный кабинет и не вышвырнула их в окно.

Захария все чаще вспоминал девочек из Осколопя, с которыми он делил песочницы и лужи на широкой немощеной дороге, и как весело было в погожий денек брызгать грязью в проходивших мимо бездельников.

Уклад жизни, принятый в Осколопье, Захария презирал, но домашний быт ему хотелось обустроить непременно так, чтобы чувствовать себя уютно.

Захарии хотелось, чтобы никто не лез в его дела и душу, когда ему и одному там тесновато. Ему не хотелось жить с женщиной, которая будет думать, что он родился в костюме, и рассчитывать, что он этот костюм станет носить и дома.

Чем больше проходило времени с тех пор, как Захария оставил Осколопье, тем с большей тоской он вспоминал обиход, который он покинул с такой поспешностью и радостью. Захария даже подумывал о том, что на старости лет он вернется в Осколопье. Конечно, после того, как сделает блестящую карьеру и станет богат, как дракон.

Отношения Захарии с местными вертихвостками не складывались, и он порой думал об Аманде – девочке с васильковыми глазами и запачканным подолом, с которой он провел немало веселых часов в детстве, строя изящные замки из жидкой грязи. Захария не мог припомнить, чтобы рядом с Амандой ему когда-нибудь бывало тоскливо или одиноко.

Уезжая из Осколопя, Захария думал, что повстречает еще немало таких же непривлекательных, красивых и жизнерадостных девушек, как Аманда. Прошло не так много времени, и Захария понял, что, по всей видимости, больше ни одной.

Захарии иногда приходило в голову поехать в Осколопье просить руки Аманды. Почему он этого до сих пор не сделал? Ну, во-первых, Захария в целом был не склонен унывать, и приступы тоски и одиночества обычно заканчивались быстрее, чем он успевал окликнуть извозчика. Во-вторых, у него всегда бывало столько дел, что вставить в свое расписание поездку в родной город, пусть и непродолжительную, было совершенно невозможно. Да и потом, проделывать такой путь из-за девушки ему мешала гордость.

Захарии хотелось заехать в Осколопье так, по какому-нибудь случаю, а заодно повидаться с Амандой и узнать у нее ненароком, как она относится к идее уехать вместе с ним в Большой мир.

Смерть дядюшки Чиста была превосходным поводом вернуться к родным пенатам. Правда, у Захарии на руках был один неудачливый наследник, который полагал, что его дело

требует безотлагательного вмешательства Захарии. Скорат крупно проигрался в карты и уже хотел вешаться, так как денег у него решительно не было, как вдруг получил весть о том, что умирает его старая баснословно богатая бабка. Скорат уж было обрадовался, но с тех пор прошло почти три недели, а почтенная леди все продолжала дышать на ладан, хоть ее состояние и не оставляло никаких надежд, о чем врачи сообщали ее безутешному внуку. Захария не совсем понимал, какого именно Скорат ждет от него вмешательства, но все равно постарался создать видимость бурной деятельности, потому что был не прочь получить кусок от наследства умирающей старухи. Работу же свести старуху на тот свет Захария решил предоставить природе, которой доверял безоговорочно.

Захария прикинул, не повредит ли его отъезд как-нибудь делу Скората, рассудил, что несколько дней несчастная может поумирать без адвоката, и черкнул Скорату коротенькое письмо: «Старуха бессмертна». Затем он быстренько телеграфировал Боло, собрал чемодан и выдвинулся в путь.

«Дорогой Боло, очень рад тебя слышать. Трагичные вести, которые ты сообщил, глубоко меня потрясли. Выезжаю тут же. Как идут дела дома, мне очень интересно, но уж теперь приеду и сам все посмотрю. С нетерпением жду встречи. Захария»

Глава 2, в которой много птиц

Захария приехал в Кабарную. Это уютный семейный ресторанчик, где заканчивается Большой мир и начинается Осколопье. В дверях вас встречает Джос с рылом вместо лица. Он окидывает оценивающим взглядом всякого входящего, чтобы вычислить, можно ли вытащить кошелек прямо сходу так, чтобы тот ничего не заметил.

Второй этап – Мария. Она поджидает вас внутри и действует чуть элегантней. Позванивая серьгами в ушах и вскидывая тонкие брови, Мария определяет, где у гостя хранится кошелек, подходит сзади и вытаскивает его, рассказывая попутно о том, чем сегодня Кабарная может порадовать голодного посетителя.

Если Марии и Джосу не удалось раздобыть ничего интересного, но при этом остается чувство, что они что-то упускают, приходит Альбер со сковородкой и бьет строптивного клиента по голове. После этого проводится обыск.

Помимо перечисленных выше развлечений, в Кабарной предлагаются пережаренные каштаны, вчерашний кофе и сиденья из красной кожи. В Кабарной можно неплохо провести время, если знать, чего ожидать, и уметь найти подход к хозяевам. Мария, например, тает от любого комплимента, а уж если ей предложить выпить, она даже разжимает цепкие пальчики, уже обвившиеся вокруг вашей цепочки для часов.

Джос – сплетник. Спросите его, кто недавно заходил, и вы не только убережете свои карманы от опустошения, но и приятно скоротаете полчаса.

Альбер обожает папиросы. Если вы хотите, чтобы ваши каштаны не только пропахли вашим любимым табаком, но и были им сдобрены, приподнесите Альберу папироску перед тем, как он пойдет их жарить. Если вам любопытно последить за процессом приготовления каштанов, можете подойти к двери в кухню и заглянуть. Вы сможете насладиться мастерством Альбера и увидите, как пепел осыпается прямо в шипящее масло.

Другими словами, серьезную опасность Кабарная представляет только для чужаков и пришельцев. Среди жителей Осколопья Кабарная даже имеет своих завсегдаев. Порой здесь бывают приятные вечера, когда достается бутылка-другая кисловатого вина. Тогда Мария садится за фортепиано, которому не хватает всего пары клавиш, и затягивает проникновенную песню.

Пришелец, никогда не бывавший в Осколопье, придя в Кабарную в один из этих чудных вечеров, может подумать, что по въезде в город начинается сказка, и его ничто не убедит в обратном, покуда он не начнет искать свой бумажник и любимый бабушкин портсигар.

Захария, приблизившись к этому славному заведению, отсалютовал Джосу, нежившемуся на солнышке.

– Захария! Рад тебя видеть.

– И я тоже рад, Джос.

– Ты знаешь, у Гробаста на ферме родились поросята с двумя головами. Какая-то мутация.

– Ну надо же.

– Только учти, это большой секрет. Гробаст боится, как бы все не прознали. Тогда люди станут опасаться покупать его свинину. Это может грозить разорением всей ферме.

– Разорение Гробаста меня, Джос, не расстроит. Но, так и быть, я никому не скажу.

Захария проскользнул внутрь.

– Захария! Привет, – Мария раскидывает объятия, и Захария, аккуратно придерживая бумажник, не без удовольствия обнимает худую цыганскую фигуру. Он знает, что Мария – порядочная девушка и если он уличит ее в краже, она не станет вопить и сваливать всю вину на него.

– А тебе письмецо от Боло, – Мария, ничуть не расстроившись, что бумажник оказался приклеенным, принесла сложенный листок бумаги, чуть вымоченный в кофе. Теперь главное не поворачиваться спиной к Альберу.

«Дорогой Захария! Встретимся на рынке. Нужно купить клетку для Софии. Боло»

Если приехать в Осколопье с юга, рынок невозможно объехать. Если ехать в Осколопье не с юга, город непременно проскочишь. В общем, всякий въезжающий в Осколопье попадает на знаменитый Осколопский рынок.

Захария допил прогорклый кофе, пожал руку Альберу и вышел в зной рыночного полудня.

Старые стулья, живые попугаи, уродливые куклы, рваные гобелены, мертвые лошади, ядовитые змеи, нарядные халаты, пожелтевшие карты, старые скальпы, сломанные маятники – одним словом, всякий хлам.

Захария медленно брел по пыли мимо мертвых и живых трупов, и к нему тягостными волнами возвращались все мысли, чувства и воспоминания, связанные с Осколопьем и внушавшие ему стойкую нелюбовь к этому месту.

Солнце нещадно дарило свое тепло старому тряпью, безделушкам, тарелкам, вешалкам, ножам, доскам, обломкам неведомых предметов, коробочкам, коврам. Еще живые собаки осипшими голосами лаяли на прохожих, отгоняя их от ящичков, в которых копошились подслеповатые щенята вперемешку с поросятами. На большой деревянной тумбе сидела свинья с двумя головами – ее пригнали сюда, как диво, которое обязательно надо увидеть всем. Захария с отвращением отвел глаза. Зачем ее сюда притащили? Не надеются же ее хозяйева, что кто-то захочет купить это чудовище?

Дорогу Захарии перешел разгневанный петух. Довольно. Захария застыл как вкопанный. Он проделал долгий путь не для того, чтобы над ним глумились злобные птицы. Больше всего на свете Захария не любил птиц.

– Захария! – на спину Захарии опустилась тяжелая ладонь Престона. – Какая отрада увидеть тебя в этой пылище. Как добрался, братишка?

У Престона был ряд неприятных особенностей. Одной из них было его извечное панибратство. Захария испытывал к Престону теперь ничуть не больше братских чувств, чем два года назад.

– Здравствуй, Престон. И впрямь отрада.

– Я знал, что ты рано или поздно вернешься, хотя бы проведать старых друзей, – Престон был действительно рад видеть Захария: он не хотел его обокрасть или провести за нос и не надеялся на долю в наследстве. Захария даже чуть-чуть растрогался. – Мы выбираем клетку в подарок Софии.

Софию Захария любил с детства. Не любить ее было невозможно. У Софии были светлые вьющиеся волосы и всегда хорошее настроение. Она была одной из тех девушек, которые служат мужчинам причиной жить и умирать в гнилой дыре вроде Осколопя.

В общем, в представлении Захарии София вовсе не была девушкой, которой позарез нужна клетка.

– Зачем Софии клетка?

– Бохес подарил ей новую птицу.

Бохеса Захария тоже знал. Неприятный тип с носом крючком, гнусавым голосом и всегда грязными руками. В общем, такой человек, от которого можно ожидать подлянки вроде птицы в подарок.

Захария почувствовал, что в его отсутствие город еще больше пришел в упадок.

– С каких пор она принимает подарки от этого подонка?

– Захария! Ты же ничего не знаешь. Вообще ничего. Ты, наверное, думаешь, что и пьют у нас до сих пор в «Пасти пса».

– А где же еще?

– В «Пасти пса» теперь пьют только те, кому некуда девать деньги. Остальные ходят к Сибеллиусу.

– Это еще кто? Нет, погоди, не отвлекайся. Что там стряслось с Софией и этим стервятником?

– Они поженились пару месяцев назад!

– Что? – весь мир на две секунды потемнел в глазах у Захарии. Он представил себе золотые локоны Софии рядом с носом-клювом Бохеса и его противными лапами и в изнеможении опустился на какую-то вшивую рухлядь. – Что-то мне нехорошо.

Захария чувствовал, что его может вырвать.

– Ха, Захария, я тебя понимаю. Мне Бохес раньше тоже казался каким-то скользким. Но я познакомился с ним поближе, и он оказался совершенно замечательным парнем, – в том, что один угреподобный прощельга находит удовольствие в компании другого угреподобного прощельги, Захария не видел ничего удивительного. – Я часто у них бываю. У них очень много птиц дома.

Скользким. Замечательным. Поближе. Захария уже ощущал запах собственной рвоты. Он предчувствовал, как она растечется по его штанам.

– Захария!

Захария чуть не поперхнулся и пришел в себя. К нему радостно бежал Боло, за ним семенила Ивлин.

– Дружище. Ты, похоже, очень устал. Боже, как я рад тебя видеть, – Захарии полегчало. Всю дорогу до Осколопя Захария думал о том, как встретится с Боло, Марком и Орсоном. Он даже допускал, что это-то и является настоящей причиной его возвращения в Осколопье. Друзья, на коже которых когда-то засыхала та же грязь, что на его коже. Друзья, которым наплевать на его крокодиловые туфли и наследство, на его высокомерие и изворотливость. Все сильные чувства, испытанные Захарией за последние два года, заставляли его стыдиться того, что он их испытывал. Во всех его грязных триумфах, начиная с радости от того, что он больше не дышит застоявшимся воздухом Осколопя, было что-то пошлое и неестественное. И теперь, увидев старого друга после долгой разлуки, Захария захотел кинуться Боло на шею. – Гляди! Мы купили Софии клетку.

Боло помахал перед носом у Захарии здоровенной жестяной клеткой, куда вполне можно было бы поместить Ивлин, если бы она отличалась нечеловеческой гибкостью или разрешила себя разрезать на кусочки.

Возможно, от одного вида клетки Захарию бы не стошнило, но к этому зрелищу прибавились предварительные разговоры с Престоном, свинья с двумя головами, невоспитанный петух и, что самое отвратительное, чучело какого-то черного орла, торчавшее в клетке. Оно было старым, потасканным и походило на уродливую птицу.

Захарию вырвало. Боло отскочил, спасая свою чудовищную покупку. Послышался писклявый голос Ивлин:

– Захария, ты нездоров? Наверное, это из-за жары.

Ивлин была закадычной подругой Софии. У нее был сносный характер и прескверный вкус. Она могла иметь отношение к выбору черного уroda.

– Да, Боло, я действительно очень устал, – у Захарии был такой вид, что ему можно было поверить. – Пожалуй, будет лучше, если я не пойду с вами к Софии. Передайте ей от меня сердечный привет.

– Но как же так! – вскричала Ивлин. – Мы ей сказали, что ты придешь. София собиралась достать какие-то новые тарелки. Она очень-очень расстроится.

Захария представил себе грустные глаза Софии и ее новые тарелки. Зрелище было душе-раздирающее.

– Хорошо, я пойду.

– Чудесно, чудесно! Вот и славно, – Ивлин радовалась, как ребенок, который не видит, что находится на расстоянии вытянутой руки от черного дьявола.

– Зачем это страшилище в клетке? Вы думаете, София подселит своего птенца к нему? – все еще не мог поверить своим глазам Захария.

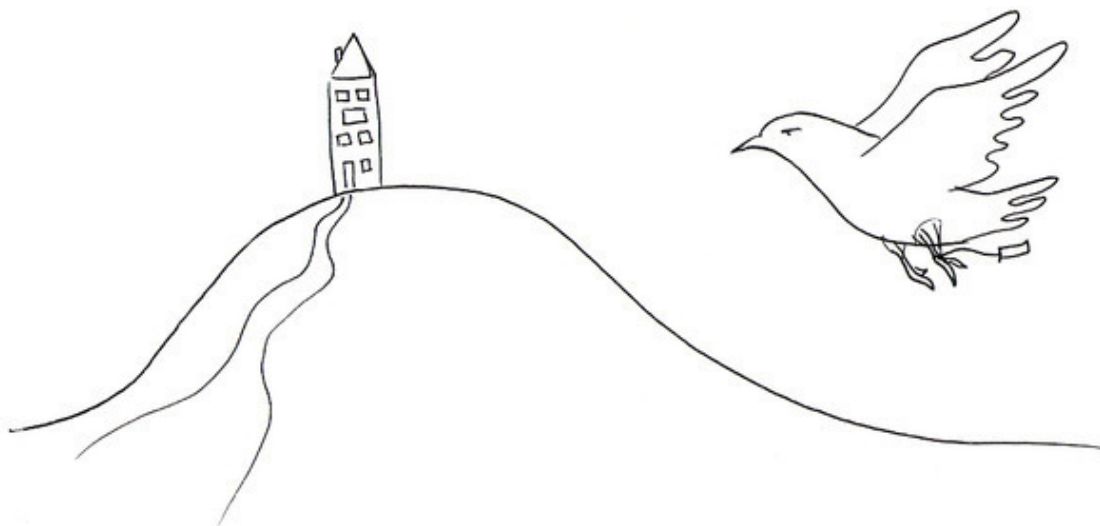
– Нет, он приклеен, и мы пока не смогли его оторвать, – ответил Боло. – Мы думаем его отрезать и подарить Бохесу.

– Превосходный подарок, – Захария мог только слабо соглашаться.

Преодолев Кабарную и полюбовавшись всеми чудесами, которые таил в себе Осколопский рынок, несчастный путник наконец оказывался в городе. По правую руку путника высился холм, и конченому романтику, которого не расстроило ни избавление от бумажника, ни увиденные на рынке уроды, могло подуматься, что с этого холма открывается прекрасный вид на город. В действительности, это могло бы так быть, если бы Осколопье являло собой прекрасный вид хоть откуда-нибудь, но Осколопье, откуда ни погляди, было унылым городишком с грязными немощеными дорогами и покосившимися хибарами. Богатеи вроде родни Захарии были в Осколопье редкостью и деньги свои, как правило, тратили неумело.

Выяснилось, что София живет вместе со своим гадким мужем как раз на вершине этого холма. Захария, истинный сын своего города, никогда не посещал тех мест, которые бы могли понравиться приезжему, и он, естественно, никогда не поднимался на холм.

Сидя на заднем сиденье дребезжащей колымаги, Захария даже смутно припомнил, что как-то в золотые годы своего отрочества он поклялся, что скорее откусит голову бешеному петуху, чем его нога ступит на вершину этого плешивого холма. Захария не считал, что приличный молодой человек обязан исполнять все клятвы, данные безрассудным мальчишкой, но все-таки порадовался, что Боло не присутствовал при той клятве.

Пока они ехали вверх, наглая клетка почему-то закарбалась к Захарии на колени. Престон в это время пытался отпилить чучело перочинным ножом.

Захарии казалось, что он едет на собственную казнь.

Дом Софии оказался ожившим кошмаром Захарии. Когда Захария его увидел, ему поплохело. Он понял, что находится во сне, и решил ничего не бояться, хотя его слегка мутило. В мире, где еще оставалось хоть немножко чего-то светлого и доброго, такого места быть не могло. На флюгере дома сидел ворон, по двору разгуливали аисты, курицы и индюки.

Из страшного дома выбежала прекрасная фея в голубом платье, следом за ней вышел злой колдун. София вела себя как ни в чем не бывало: улыбалась и ужасно радовалась гостям, особенно Захарии. Ей казалось нормальным, что у ее ног копошится уродливая белая курятина.

– Привет, моя красавица, – Боло расцеловал Софию – так, как будто он тоже не видел во всем этом ничего особенного.

Гостей ввели в дом. Казалось, он выстроен недавно, но чего ты будешь ожидать от дома, в котором держат птиц? Захария был уверен, что дом долго не простоит. На первом этаже, помимо крохотной прихожей, в которой жил большой злой гусь, была гостиная, заселенная всяким пернатым сбродом. Дом тянулся вверх еще на три этажа с чердаком. На каждом этаже располагалась одна комната. Соединяла этажи сомнительной надежности винтовая лестница.

Если бы Захарию спросили, что он думает про дом Софии и Бохеса, он ответил бы: «Это башня смерти».

Весь потолок в гостиной на первом этаже был увешан открытыми клетками с желтыми канарейками и волнистыми попугайчиками. По подоконнику прыгали сороки. По столу прогуливался павлин.

Такого содома Захарии не приходилось видеть еще никогда в жизни. Сглотнув и закрыв глаза от омерзения, он сел на предложенный стул. По его спине ползли струи пота.

– Вы их едите? – поинтересовался у Софии Престон.

– Кого, Престон? – широко распахнула свои кукольные глаза хозяйка дома.

– Ну, куриц, например. Гусей.

– Нет! – лицо Софии запыхало обидой. – Что ты. Я же не Гробаст.

София поглаживала маленький розово-белый комочек с еще мягким клювом. Если клетка, купленная в подарок, предназначалась для этого экземпляра, птенцу явно не составит труда выбраться через прутья решетки.

Захарии показалось, что он слышит, как у него на зубах хрустят мелкие косточки петушиного черепа, а его язык превратился в толстый красный гребень, и он упал в обморок.

Глава 3, в которой начинаются настоящие свиньи

Гробаст был скандально известным свиноводом. Благодаря его ферме Осколопье считалось меккой свиноводства. Гробаста ненавидели все, потому что он был неприятным человеком. Если бы он бросил свое дело, треть города лишилась бы работы и осталась на улице, но народной любви Гробасту это не прибавляло.

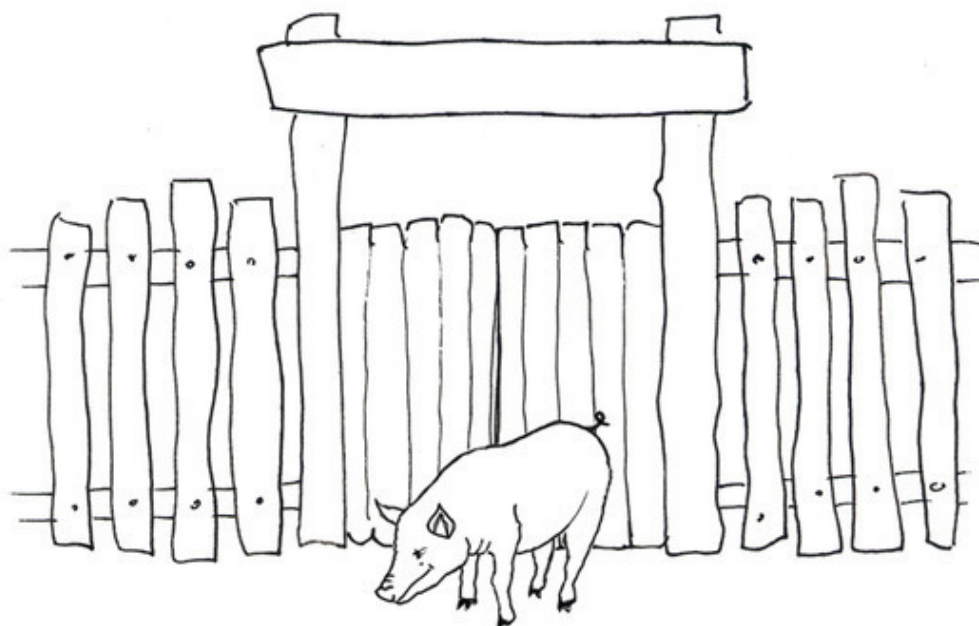
На свиноферме Гробаст, можно сказать, женился. Она досталась ему после того, как он сочетался браком с Жанной, вдовой предыдущего владельца фермы.

Гробаст жил свиньями. Он дышал ими. Они снились ему. На Жанну он даже не поглядел. Он думал только о ферме. Когда Гробаст целовал свою невесту в губы, стоя у алтаря, ему казалось, что он прижимается к нежному рылу. Если бы Гробаста спросили, хороша ли женщина в фате, что стоит рядом с ним, он бы смог ответить лишь, что у нее лоснящаяся розовая кожа, она теплая и мягкая. Если бы Гробаста спросили, есть ли у Жанны дети, он подумал бы об оглушительном хрюканье резвящихся молочных поросят. Если бы Гробаста спросили, что случилось с предыдущим супругом Жанны, он бы ответил, что того закатали в колбасу.

Счастливы люди, которым удается найти в жизни призвание и посвятить себя ему. Гробаст был одним из этих счастливых людей.

В действительности, Жанна была очень даже хороша собой. Щедро отсыпав ей красоты, Бог рассудил, что она проживет и без ума, и, когда ее первого мужа, Барона, посадили в тюрьму, она была в отчаянии. Бедняга не знала, что ей делать. Одна с фермой она бы не управилась. Жанна боялась, что все свиньи попросту разбегутся.

Самое простое решение, подсказанное ей услужливыми адвокатами, было таким: сострять поддельное извещение о том, что ее супруг скончался в тюрьме, и выйти замуж за делового человека. Именно так Жанна и поступила. Что Барон может вернуться, она не боялась. Во-первых, его усадили за решетку в каком-то далеком графстве на такой срок, что, как уверили Жанну адвокаты, рано или поздно он все равно там сдохнет. Во-вторых, Жанна любила Барона без памяти и всем сердцем жаждала его возвращения. Если бы он вернулся и прогнал Гробаста со двора, она была бы безмерно рада. Впрочем, Жанна была женщиной практической и не слишком на это рассчитывала.

Когда всему городу было объявлено, что Барон умер в тюрьме, многие не поверили. Барон был отчаянным авантюристом и являл собой фигуру совершенно фантастическую. Он был героем значительной части местного фольклора, и в историях, которые про него складывали и рассказывали, он то и дело умирал и воскресал. Истории эти рассказывали еще тогда, когда Барон собственной персоной вышагивал по улицам города при свете дня. В общем, какое-то извещение о смерти никого не поразило. Все знали, что письмо было поддельным, и это тоже никого не поражало. Жеанну не упрекали: в ее положение можно было войти. Барона в городе любили не многим больше, чем Гробаста, но, если бы он вернулся, посмотреть на выдворение Гробаста собралась бы целая толпа.

Единственным человеком в городе, который действительно ждал возвращения Барона, был его единственный сын Орсон. Каждый день, проведенный без отца, он рисовал на стене в своей комнате свиное рыло и перечеркивал его. Потом стены закончились, и Орсон забросил это занятие. Но ненависть к Гробасту не переставала в нем расти с каждым днем.

Про Барона говорили, что он убил людей больше, чем свиней. Его недобрая слава и всеобщее безразличие ко всему на свете привели к тому, что никто и никогда не пытался выдвигать Барону обвинений. До тех пор, пока на арене не появился Гробаст.

Барона осудили за убийство первой жены Гробаста. (Хотя Орсон прекрасно понимал, что Гробаст сам свою жену и закатал в ковер да сбросил в реку потихонечку.)

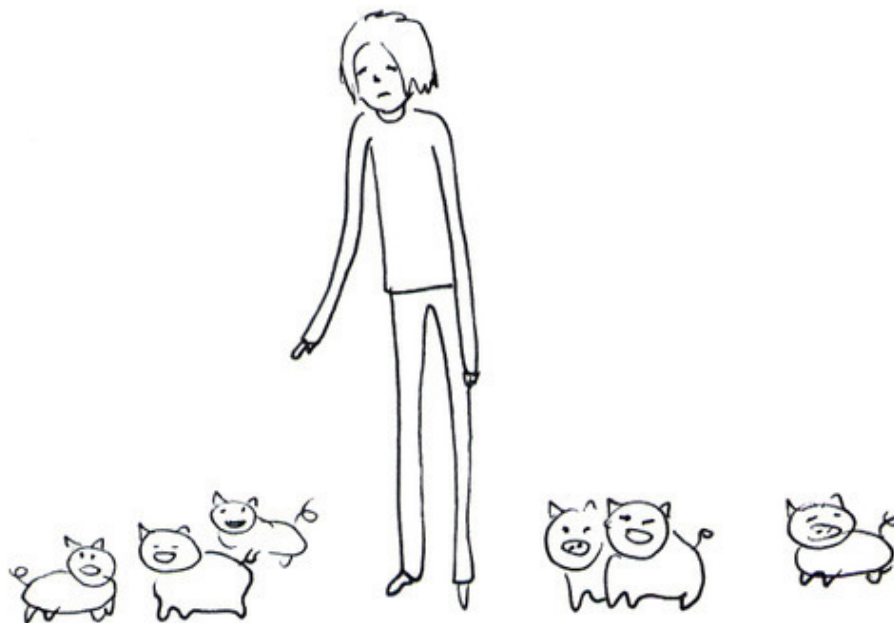
Подкупив дюжину людей и задействовав представителей власти из других округов, Гробаст добился своего: Барона признали виновным и услали куда подальше. Для Осколопя это было что-то неслыханное.

Тюрьма в Осколопье была. Туда приходили те, кому хотелось перекинуться в картишки и посудачить. Стоит признать, что публика там была не слишком пышно разодетая. Но никто не мог припомнить случая, чтобы старина Брус, тюремщик, мешал кому-нибудь покинуть здание с зарешеченными окнами. Были, напротив, известны случаи, когда Брус пытался выставлять пьяниц и забулдыг без постоянного места жительства, которые чаяли обрести дом на тюремных нарах или попросту заходили на обед отведать дармовых щей.

Единственным в тюрьме охранником, вооруженным до зубов, был сторожевой пес Сруб, отличавшийся дружелюбным нравом и любовью к солнечным ваннам.

Гробаст позаботился о том, чтобы услать Барона подальше, туда, где бы его держали под семью замками.

Со времени подделки извещения о смерти Барона прошло лет двадцать, и в воображении своих сограждан он совершенно превратился в мифического героя.

Орсон ненавидел Гробаста и ненавидел его сыночка Бордо. У Бордо были бесцветные волосы, маленький нос и длинные руки. Он ходил по свинарнику, как тощая горилла, и пересчитывал поросят. Больше он ни на что не годился. Орсон говорил: «Неудивительно, что малец тронулся умом. Ведь его собственный папаша у него на глазах пришил его мать».

Наверное, не стоит упрекать Орсона за то, что он вырос таким злым. У него были причины не любить отчима, Бордо и всех прочих.

В мире было трое людей, которые вызывали у Орсона трепетную любовь. Во-первых, его отец. Барон был кумиром и героем для своего сына. Отважный, сильный, великодушный. Орсон плохо его помнил (по правде, Барон не много времени проводил с маленьким сыном), но воображение мальчика и слухи дорисовали все необходимые штрихи в героическом образе.

Во-вторых, Омма. Омма работала на ферме, когда Орсон был маленьким, и приглядывала за ним. Потом она куда-то делась, но воспоминания о ней Орсон лелеял и по сей день. У нее были мягкие руки, от них пахло лавандой и медом. Омма всегда улыбалась доброй и несколько озорной улыбкой. Рот был единственной частью лица Оммы, которую Орсон хорошо помнил, потому что он всегда смотрел на Омму снизу вверх и, кроме рта, больше ничего не видел.

Омма была единственным человеком в мире, проявлявшим к Орсону ласку. В его представлении она была совершенной женщиной. А так как воспоминания об Омме заканчивались в раннем детстве Орсона, хорошая женщина в его понимании должна была быть очень крупной и высокой, чтобы не сказать высоченной.

Наконец, третьим человеком, которому было отведено особое место в сердце Орсона, был Ландо, мальчик из церкви Святого Сибеллиуса. С раннего детства Ландо помогал толстяку священнику Полару с церковными делами: подметал, стряхивал пыль с подсвечников и икон, заменял свечи и раскуривал ладан.

Для любого жителя Осколопя Ландо был неотъемлемой частью церкви и религиозной жизни вообще. Кроткий и смиренный Ландо всем внушал благоговение. Он был похож на святого, сошедшего с иконы. Его безмятежный взор излучал благодать.

Орсон нечасто ходил в церковь. Но когда он туда приходил, он вел себя так, как подобает вести себя в церкви, а не так, как обычно ведут себя сыновья свинопасов. Исключительно уважение к Ландо заставляло Орсона испытывать, входя в дом Господа, смирение перед великим.

И ходил Орсон в церковь именно для того, чтобы пережить очищение и смиренную безмятежность, которые внушало ему присутствие Ландо.

Глава 4, в которой Захария ищет клад

После того, что произошло в доме Софии, Захария был несколько сердит на Боло и не испытывал горячего желания поскорее снова с ним увидеться. Проснувшись поутру в родном доме, Захария решил поступить так: он пойдет проведает своего старого друга Марка, узнает от него все новости, а во второй половине дня пойдет к Боло, скажет, что только что проснулся, и узнает у него, как получить дядюшкино наследство. Потом нужно выяснить, куда теперь ходят пить порядочные люди, у которых золото не вываливается из карманов. Захария искренне надеялся, что это не тюрьма. Самогон старины Бруса он как-то пробовал и предпочел бы этот эпизод забыть, как кошмарный сон.

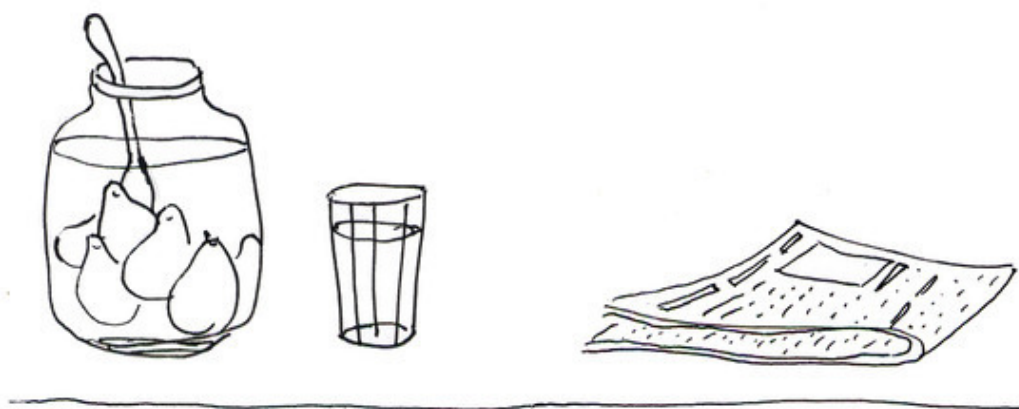
Составив план на день, Захария всегда чувствовал себя свободнее. Стоит признать, что его список дел на день нередко заканчивался походом в питейное заведение, и порой он рассуждал, что, вообще-то, неважно, в каком порядке делать дела, и направлялся в рюмочную первым делом, которое частенько перерастало в последнее. Но не сегодня. В этот раз Захария был настроен серьезно.

Марк работал в аптеке. Туда Захария и направился. Марк всегда был его лучшим другом. Вместе они пережили самый неприятный эпизод в жизни Захарии – тот самый, после которого он начал бояться птиц. Эту антипатию они с Марком разделяли, и поэтому Захария имел основания надеяться на большее понимание со стороны Марка, чем то, что проявил Боло, который даже не предупредил, в какой ад он везет Захарию.

Когда Захария уезжал из Осколопя, Марк был в учениках у доктора Крадова. Крадов был, бесспорно, сумасшедшим, но кое-что смыслил в ядах, сушеных лягушках и средствах от головной боли.

Захария открыл дверь аптеки, и затрезвонил маленький серебряный колокольчик. Колокольчик должен был оповестить аптекаря, занятого изготовлением новых лекарств в задней комнате, о том, что пришел посетитель.

Но аптекарь сидел у кассового аппарата и читал газету, потягивая грушевый компот. На звон колокольчика аптекарь не обратил ни малейшего внимания.

Как только Захария вошел, он ощутил резкий запах цветочной настойки, наверное, предназначенной возвращать мертвецов на этот свет одним только запахом. Захария сразу почувствовал, что ему необходимо заболеть: здоровый организм не мог позволить себе вдыхать такого. Захария так переволновался, что громко чихнул.

– Что, простыл, братец? – послышался презрительно-сочувственный и вместе с тем какой-то сонный голос Марка. Он наконец поднял глаза, чтобы посмотреть на раннего покупателя, и чуть не опрокинул компот от изумления. – Мой Бог, Захария! Мой мальчик! – Он перемахнул через стойку с прытью, которой едва ли можно было ожидать, взглянув на его сонную фигуру, и принялся теревить Захарию. – Вот уж кого я не ожидал увидеть! Я бы меньше удивился, войди сюда твой покойный дядюшка, вернувшийся с того света за еженедельной порцией порошка.

– Боло не сказал тебе, что я приезжаю?

– Нет! Какое там, этот шельмец мне уже давно ничего не говорит. Даже когда у него заболели зубы, он послал за ландышевой настойкой Престона.

– Это меня не удивляет. Если бы у меня болели зубы, я бы тоже чувствовал себя вправе отослать Престона куда подальше. Ну ладно, налей мне какой-нибудь дряни и рассказывай, что у вас тут творится.

– Компот из груш что-то скис, так что попробуй вот этого.

Марк налил Захарию мутной жидкости, успокаивавшей боль в горле, забивавшей нос и заволакивавшей глаза темноватой пленкой, как солнцезащитные очки.

– Так ты говоришь, это ты свел несчастного дядю Чиста в могилу?

– Нет, Захария. Дело обстоит так: я сменил доктора Крадова на его посту раньше, чем следовало бы, но я был вынужден это сделать: старик совсем спятил. Он отсыпал крысиный яд тем, кто просил что-нибудь от кашля. Он продавал мышьяк вместо средства от бессонницы. Захария! Я не назову себя хорошим лекарем, – разговаривая с Захарией, Марк большой ложкой вылавливал груши, плававшие в компоте, и делал это с таким азартом, что Захария усомнился в его несвежести. – Я часто путаю ингредиенты и пропорции. И я готов повторить это под присягой в суде! Но Бог свидетель, обстоятельства поставили меня в это положение, не я сам.

– А нет ли у тебя какой-нибудь книги со всеми рецептами и указаниями, что и по какому поводу надо принимать?

– Есть! Такая книга, Захария, у меня, к счастью, есть, – Марк выловил большую сочную грушу и счастливо причмокнул, засасывая ее. – Ее написал доктор Крадов. Он автор всех рецептов. Он ничего ниоткуда не заимствовал. Первая часть книги написана очень хорошо, но в один момент у доктора поехала крыша. Я не могу точно определить, в какой. Глядя на некоторые рецепты, я однозначно вижу, что они совершенно фантастичные, а некоторые кажутся мне странными, но уверенности у меня нет... У меня в этом деле мало опыта, мне не на что опереться, кроме как на советы доктора Крадова и истории, которые он мне рассказывал.

– Значит, это ты отравил моего дядю.

– Захария, брось. Твой дядя был немолодым человеком. Он не отличался крепким здоровьем. Возможно, будь ему оказана более профессиональная врачебная помощь, получай он хороший уход, дядя Чист был бы еще жив. Если он был тебе так дорог, Захария, ты мог бы осведомляться о его здоровье и следить за его лечением.

– Ты все еще видишься с доктором Крадовым?

– Конечно! Я ведь продолжаю проходить у него обучение. Сейчас это по большей части заключается в том, что я достаю разные ингредиенты, которые нужны доктору для экспериментов. Недавно он попросил меня привести ему свинью для тестов.

– Возможно, ему захотелось отведать хорошую отбивную. Ты привел ему свинью?

– Конечно, нет! Где я возьму денег на целую свинью?

– Мы живем в столице свиней, Марк. Обидно, что честный работающий человек не может позволить себе купить свинью в подарок учителю, – Захария скептически проводил взглядом очередную грушу, исчезнувшую во рту Марка. – Итак, доктор Крадов потерял рассудок. Ни о чем не подозревающие люди глотают пилюли от кашля и сваливаются замертво посреди улицы. Что еще у вас происходит?

– Не нагнетай красок, Захария. Все не так уж плохо.

– Очень рад это слышать. А то я уж было решил, что у вас тут все именно так плохо. Скорей, скажи что-нибудь, чтобы разогнать это мрачное представление.

– София вышла замуж.

– Черт возьми, Марк! Вот это я как раз знаю и сам. Я был у них наемни. Ты считаешь, в том, что София вышла замуж за этого грязного подонка, есть что-то радостное?

– Захария, брось. Нам уже не по десять, чтобы ненавидеть кого-то только за то, что он живет на соседней улице.

– По-твоему, это единственная причина не любить Бохеса?

– Он мне нравится. Я заходил к ним недавно, и мы отлично поговорили.

– Ты заходил к ним домой? – у Захарии волосы встали дыбом. То, что Марк мог спокойно зайти к этой паре, у него не укладывалось в голове. Зато слова Марка подавали Захарии надежду, что он совсем позабыл о клятве, данной некогда Захарией по поводу места обитания этой пары.

– Да, я иногда захожу к ним на чай. Мне у них очень нравится.

– И тебя там ничего не смущает?

– Признаться, меня очень смущает форма их дома. К тому же он стоит на холме. Я очень боюсь, что в один прекрасный день...

Захарии показалось, что он сходит с ума.

Он вспомнил ту ночь. Им с Марком было лет по двенадцать. Они могли ненавидеть, кого хотели, и плевать, в кого хотели. Одним словом, они были королями ночного Осколопя. Было уже очень поздно, и они шлялись по улицам. Шлялись лениво и даже несколько устало, без того остервенения, с которым шляешься сразу после захода солнца. Возможно даже, они уже собирались расходиться по домам.

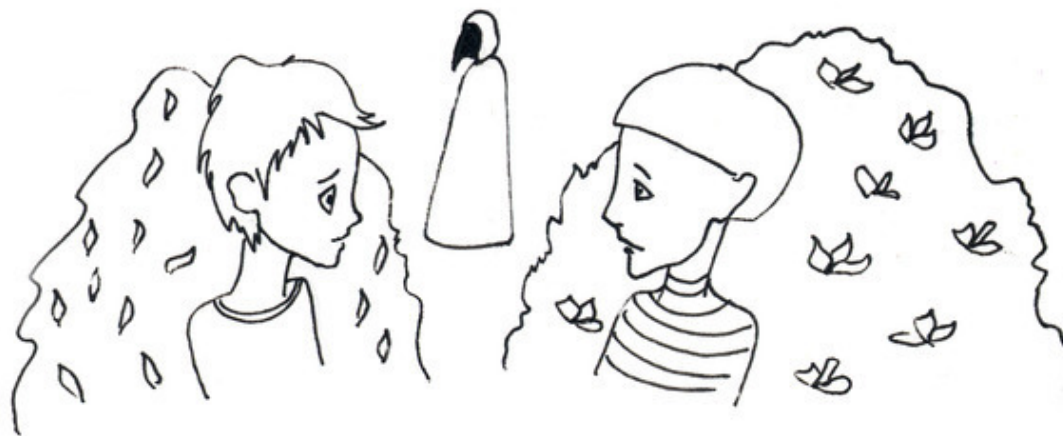
Захария и Марк, не разговаривая, шли по пустой улице. Было тихо. Вдруг они увидели впереди человека. Он стоял на обочине дороги. Высокая фигура, завернутая в плащ.

Мальчики замедлили шаг и притаились за кустом. Им стало любопытно, кто это и что он собирается делать.

Они постояли немного, и вдруг Захария ощутил приступ страха. Он не мог понять, что именно его напугало. На улице все было спокойно, и незнакомец стоял неподвижно. Его фигура излучала угрозу, и Захарии больше всего на свете захотелось оказаться дома. Но он бы скорее дал себе отрубить руку, чем сказал об этом Марку.

Бывает, что чувствуешь боль, но не решаешься признаться, чтобы не выставить себя дураком. А потом боль накапывает, и ты начинаешь кричать и уже не боишься, что тебя примут за дурака.

Что-то в этом духе произошло с Захарией. Он повернул свое побелевшее от страха лицо к Марку и увидел в его глазах отражение собственного ужаса. Марк испытывал тот же самый необъяснимый страх. Им оставалось только собраться с духом и убежать, как вдруг человек в плаще повернулся к ним, и они увидели его лицо. Вернее, сначала они увидели большой черный клюв на месте носа. Потом незнакомец снял капюшон, и мальчикам открылось, что у него птичья голова.

Захария помнил, что ему было нечем дышать, когда он бежал домой. Ему хотелось разреваться, его тошнило, но он знал, что остановиться нельзя.

На следующее утро Захария хотел сказать себе, что видел кошмарный сон. Днем он, как обычно, сидел с друзьями в грязи. Когда к ним приковылял голубь, Захарию сразу затрясло, как в лихорадке, и вырвало. Он понял, что это был не сон.

С тех пор Захария не переносил птиц. Марк тоже не переносил птиц. Многие находили это нелепым капризом и смеялись над ними. Что теперь случилось с Марком?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.